

А.П. Чехов до 1888 года сотрудничал с «тонкими» журналами и газетами. Первый «благовеститель» Чехова, автор «Гуттаперчевого мальчика» Д.В. Григорович, 25 марта 1886 года наставлял молодого автора: «Вы, я уверен, призваны к тому, чтобы написать несколько превосходных, истинно художественных произведений. Вы совершите великий нравственный грех, если не оправдаете таких ожиданий. <...> Бросьте срочную работу... голодайте лучше...» [7, с. 290].

В апреле-мае 1887 года Чехов решается на путешествие по Приазовскому краю. О намерении ехать упоминал многократно, словно отрезая путь отступления: «будь хоть землетрясение, а я уеду... Я хочу уехать на юг не позже 31-го марта. Поеду с рублем, но все-таки поеду» [1, П, II, 37] или «если заболею тифом, то и тогда поеду!» [1, П, II, 41]. Чехов побывал в Таганроге, Новочеркасске, Рагозиной балке, Луганске, Славянске, Святых горах. Мотив поездки связан с муками творчества, об этом он прямо заявляет в письме к А.С. Суворину: «...чтобы не высохнуть, в конце марта уеду на юг, в Донскую область, в Воронеж<скую> губ<ернию> и проч., где встречу весну и возобновлю в памяти то, что уже начало тускнеть. Тогда, думаю, работа пойдет живее» [10, П, II, 28]. Ожидания сбылись - за шесть донских недель Чехов «напозтился ... по самое горло» [10, П, II, 80], поездка принесла ему столько степных впечатлений, что он «выстрелил» художественными картинами, наполненными до краев чувством родины.

Спустя три недели по приезде в Москву в петербургской газете «Новое время» был опубликован рассказ «Счастье», вслед за ним - «Перекаати-поле». Эти произведения, как сообщил Чехову брат Александр, «наделали переполоху в Петербурге», а повесть «Степь», о которой Чехов скажет: «она мой шедевр, лучше сделать не умею» [10, П, II, 187], увидела свет в мартовской книжке «толстого» журнала «Северный вестник», беллетристическим отделом которого заведовал А.Н. Плещеев, и произвела на всех сильное и разноречивое впечатление.

Начало работы над «Степью» относится к декабрю 1887 года. Тогда В.Г. Короленко передал Чехову просьбу критика Н.К. Михайловского написать большую повесть. Уместно сказать, что уже 9 января 1888 года Чехов сообщил Короленко, что по его дружескому совету он начал работу над новой повестью, герой которой, мальчик Егорушка, едет через степь в город, чтобы поступить в гимназию.

Работая над «Степью» немногим более месяца, Чехов написал больше двадцати писем, раскрывающих творческую историю повести. С одной стороны, он работал не спеша, «как гастрономы едят дупелей: с чувством, с толком, с расстановкой» [1, П, II, 182], с другой - опасался «первого блина комом», не скрыл от Плещеева, что «робел» и боялся, «что моя «Степь» выйдет незначительной», просил «сущей правды» и покровительства: «дебютируя в толстых журналах, я хочу просить Вас быть моим крестным батькой» [1, П, II, 183].

Предчувствуя непонимание, Чехов прямо высказался об этом в письме к Я.П. Полонскому: «Есть много таких мест, к<ото>рые не поймутся ни критикой, ни публикой; той и другой они покажутся пустяжными, не заслуживающими внимания, но я заранее радуюсь, что эти-то самые места поймут и оценят два-три литературных гастронома, а этого с меня достаточно. В общем моя повестушка меня не удовлетворяет. Она кажется мне громоздкой, скучной и слишком специальной. Для современной читающей публики такой сюжет, как степь с ее природой и людьми, представляется специальным и малозначимым» [1, П, II, 178]. Работая над повестью, «потратил много соку, энергии и фосфора, писал с напряжением, натужил, выжимал из себя и утомился до безобразия. Удалась она или нет, не знаю, но во всяком случае она мой шедевр, лучше сделать не умею», признавался он А.С. Лазареву (Грузинскому) [1, П, II, 187]. Не отставали от автора и критики, ломая копья, увязая в невосприимчивости художественного пространства, которое за век до рождения автора называли Диким полем с его курганами и курганчиками, Саур-Могилой, Святогорским монастырем на Донце и разнотравно-типчакково-ковыльной степью.

Второе столетие чеховской «Степи» посвящаются серьезнейшие исследования. Современники Чехова видели и слышали в повести разное.

Первым высказался «крестный батька» Плещеев: «Прочитал я ее с жадностью. Не мог оторваться, начавши читать. Короленко тоже... Это такая прелесть, такая бездна поэзии, что я ничего другого сказать Вам не могу и никаких замечаний не могу сделать - кроме того, что я в безумном восторге. Это вещь захватывающая, и я предсказываю Вам большую, большую будущность» [7, с. 463-464].

А.И. Богданович в критических заметках «Талант мертвой полосы» назвал автора «близо-руким художником», признавая яркость красок

и тщательность отделки, признавая отдельные картинку шедеврами, но при этом отрицая целостность и стройность повести, определенного угла зрения. «... для автора вся жизнь представляется какой-то степью, в которой живут люди без цели, без желаний, без страстей. На всем лежит отпечаток великой тоски существования, не согретого ни любовью, ни ненавистью, не возбужденного борьбой, хотя бы и ничтожной по существу» [6, с. 1-2]. Известный критик К.К. Арсеньев писал в «Вестнике Европы»: «В новом сборнике «рассказов» г. Чехова самое видное место занимает "Степь" - первая попытка талантливого автора расширить рамки своего творчества. Оказывается, однако, что разница между "Степью" и прежними произведениями г. Чехова - скорее количественная, чем качественная» [5, с. 51]. Далее Арсеньев замечает, что повесть могла бы распастись «на несколько отдельных очерков», не пострадав от этого. Например, «вместо "Степи" имели бы "Жаркий день в степи", "Еврейскую корчму", "Обоз ночью под грозою" и т.д.» [5, с. 51]. А.М. Скабичевский в «Истории новейшей литературы» недвусмысленно высказался: «Большое его произведение «Степь» и «Огни», в свою очередь, отличаются той же калейдоскопичностью и отсутствием идейного содержания; это не цельные произведения, а ряд бессвязных очерков, нанизанных на живую нитку фабулы рассказа. Трудно сказать, газетная ли скороспелая работа, не давая Чехову ни над чем серьезно задуматься, выработала подобного рода поверхностность и бесцельность его творчества или же такой уж у него талант, который наиболее пригоден именно к такого же рода эфемерным работам» [5, с. 505].

Иначе высказался беллетрист, драматург И.Л. Леонтьев (Щеглов), назвавший «Степь» в письме к автору «перлом» наряду с другими рассказами. Дальше пошел В.А. Тихонов, возражая Чехову, когда тот причислил себя к артели под названием «80-е годы» или «Конец XIX столетия». «Нет, Антон Павлович, - писал Тихонов, - Вы в эту артель не годитесь: "В одну телегу впрячь не можно коня и сонных черепах!" <...> А между нами вы единственный вольный и свободный человек и душой, и умом, и телом вольный казак Чехов [10, II, IV, 391]». Ф.Д. Батюшков вопрошал: «А все-таки возрос: Вы любите Чехова? - стоит еще на очереди... И русские, и иностранные критики еще не спелись с окончательным ответе» [5, с. 61].

Интересна полемика вокруг «Степи» в связи с критическими замечками Евгения Гаршина. «Степь» скучна и «требует от читателя чрезмерного напряжения, чтобы стало охоты воспринимать все прелести художественного изложения автора этого произведения», - отмечал Е.М. Гаршин в статье «Литературные беседы» [10, II, III, 347].

Оценка Евгения Гаршина противоположна отзывам его брата Всеволода Гаршина, который

незадолго до своей трагической гибели поделился с В.А. Фаусеком: «Я пришел сообщить тебе замечательную новость... В России появился новый первоклассный писатель... у меня словно нарыв прорвался и я чувствую себя хорошо, как давно не чувствовал [9, с. 61-62].

Вскоре Чехова затронула очередная критика Е.М. Гаршина. В письме к Плещееву Чехов спрашивал: «Читали ли Вы наглуго статью Евгения Гаршина в «Дне»? Мне прислал ее один благодаритель. Если не читали, то прочтите. Вы оценит всю искренность этого злополучного Евгения когда вспомните, как он раньше ругал меня. Подобные статьи тем отвратительны, что они похожи на собачий лай. И на кого лает этот Евгений! На свободу творчества, убеждения, лиц... Нужно дуть в рутину и в шаблон, строго держаться казенщины, а едва журнал или писатель позволит себе проявить хоть на пустяке свою свободу, как похищается лай» [10, II, III, 64].

Казалось, пути А.П. Чехова и Е.М. Гаршина не соединимы. Однако они сошлись в начале 1900-х годов в Таганроге, куда Евгений Михайлович переехал с семьей, будучи назначенным в 1901 году директором коммерческого училища. Через двоюродного брата Чехова В.М. Чехова [Значительные отношения между Чеховым и Евгением Гаршиным были восстановлены. Более того, после смерти Чехова Гаршин стал ревностным его почитателем и активно вел работу по увековечиванию памяти писателя.]

Чуткими и верными в оценке «Степи» оказались читатели, современники писателя. Дядя Чехова Митрофан Егорович делился из Таганрога впечатлением «дорогому Антоше»: «Недавно я прочитал в другой раз твою "Степь", что за прелесть вещь. Читая все твои рассказы, так и чувствуешь, что ты тут стоишь и своим приятным, степенным голосом рисуешь картины» [4, с. 542]. Читатели видели «в "Степи" восхитительно описание всей той природы, где он был». Вскоре по выходе повести в мартовском отклике читательницы находим: «Часто, когда я читаю Гоголя и Толстого, у меня рождается страстное желание расцеловать у них руки. <...> Это желание родилось во мне, когда я читала Вашу "Степь". Ничего такого, как "Степь", Вы еще не писали» [10, С, VI, 635]. Читательница Зинаида Петровна в письме из Петербурга благодарила Чехова за «минутное наслаждение», доставленное чтением его рассказов. «Сколько в них искренности, правды и в то же время простоты в соединении с глубиной! Какая тонкая психология и какое симпатичное в высшей степени гуманное отношение к людям... Но более всего люблю я Ваш рассказ "Степь". Сколько поэзии! Да это положительно тихая музыкальная мелодия, полная очарования!.. <...> Кажется, слышишь дыхание степи, понимаешь ее и она тебя твою тоску, твои горячие стремления...» [4, с. 254]

ВЕХИ ТАГАНРОГА

Студент киевского университета М. Дамбровский в письме к Чехову высказывался: «Приношу Вам сердечную благодарность за минуты глубокого наслаждения, какие дали мне - поэзия Вашей "Степи", ваш "Иванов" и многие другие не менее чудные вещи» [4, с. 185].

Оценки «Степи» уравнились в XX веке. Потребовалось время, чтобы привыкнуть и осознать уникальный талант Чехова. Постепенно были забыты сравнения с Тургеневым, Гоголем, Толстым. Талант Чехова перестал казаться сумеречным и калейдоскопичным. Для М.П. Громова, некогда преподававшего в Таганроге и наверняка знающего Приазовскую степь не по рассказам, повесть Чехова «о русской земле» сравнима с энциклопедией. Исследователь Н.Е. Разумова видит философский стержень сюжета: «"Маленький человек" бесспорно уступает необъятному "простору"; но именно человек наделен духовной жизнью, которой не имеет природный мир» [8].

Чехов родился в степном крае, и голос степи слышался ему всю жизнь, где бы он ни был. По дороге на Сахалин равнина под Красноярском «похожа на нашу донецкую степь» [10, П, IV, 98]. В письме к А.С. Суворину летом 1894 года Чехов представляет Таганрог «очень милым городом» и делится мечтой «опять проехаться по степи и пожить там под открытым небом хотя бы одни

сутки» [10, П, V, 305-306] и спустя несколько лет в письме Л.И. Веселитской: «Я по целым месяцам жила в степи и любил степь, и теперь в воспоминаниях она представляется мне очаровательной» [10, П, VIII, 13].

Будучи за границей в 1897 году, Чехов пишет по воспоминаниям рассказ «Печенег». В «Печенеге» воссозданы картины «донской Швейцарии» (ныне Антрацитовский район Луганской области), когда писатель гостил в степном хуторе Рагозина Балка, в доме отставного хорунжего Г.П. Кравцова. Земляку, соученику Чехова по Таганрогской гимназии, общественному деятелю П.Ф. Иорданову писатель признавался: «Если бы не бациллы, то я поселился бы в Таганроге года на два на три и занялся бы районом Таганрог - Краматоровка - Бахмут - Звереве Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-Могилу, рассказы про Зуя и Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал очень милый и ценный никому не нужен» [10, П, VII, 230-231].

Если не иметь в виду «Степь» Чехова и цикл его степных рассказов, если не иметь в виду рассказ

«Отрешенные и уволенные» брата Александра Чехова, написанный по мотивам устных повествований няни А.А. Кумской, то обнаружится, что таганрогские беллетристы, современники Чехова, не воспользовались поэтическим материалом, который органично растворился в степных людях и в многоголосой природе. Только одинокий тополь, Чехов, «залез» в степные владенья степного царя - Гоголя.

Однако беллетристы нашлись. Живет в природе, не важно, на украинской или русской земле, мелодичная чудная песня «Дивлюсь я на небо та й думку гадаю...». Автор песни - талантливый поэт-романтик, уроженец Славянска М.Н. Петренко (1817-1862). Окончив Харьковский университет, Петренко работал по гражданскому ведомству, однако часто навещал родные места. Как и для его современника Н.Ф. Щербини, природа для Петренко была неиссякаемым источником вдохновения и повлияла на поэтический склад его натуры. В поэтическом цикле «Славянск» он с упоением воспевал радость земной жизни, славил роскошные сады и дубравы Святых гор. В его стихотворении «Иван Кучерявий» находим сюжет, когда Грициха печалится, так как ее муж, воюя против поляков, попадает к ним в плен. Старший сын пошел против татар, дочка вслед за ним до Святых гор молиться. Опустел дом, и мать горюет:

*Отпустили ее с братом
В дальний путь,
Только на Донец, в Святые горы,
Помолиться Богу;
И ждет ее не дождется,
А матери мука;
Или кто стукнет, или кто хлопнет,
Так сердце и застуча.
Потому скучно ей, одна дома,
Ни с кем разговаривать,
И никому старесенькой
Порадоньки дати.*

Что касается стихов «Дивлюсь я на небо», то они стали песнею, а Тарас Шевченко это стихотворение собственноручно записал в свой дневник.

Читающей публике выдающийся украинский писатель Г.Ф. Квитка-Основьяненко известен, прежде всего, произведениями на русском языке. Это «Сватання на Гончаривке», «Шельченко-денщик», роман «Пан Халявський». Характер исторического исследования несут его исторические повести «Татарские набеги» и «Основание Харькова», очерк «Украинцы». Ключе исследуемого вопроса наиболее интересна повесть Квитки-Основьяненко «Предания о Гаркуше», впервые опубликованная в журнале «Современник» в 1842 году [2]. В ней автор рассказал о жизни, обычаях и деятельности харцыв-запорожцев на Харьковщине и Полтавщине з конце XVIII столетия. Классик украинской ли-

не тиранят людей, не сжигают добра, а только обирают сокровища у богатых, раздают их бедным и сами живут».

Классик украинской литературы Иван Котляревский в поэме «Перелицованная Энеид» неоднократно вводит в ткань текста образ независимого харцыва, хорошо известного в родной среде. «Будь отважным, как харцыв!» вот рефрен образа. Харцыв, харцывяка - ело! тюркского происхождения, распространен прежде на юге, на Украине, особенно в разговорной речи. Харцыв - значит разбойник, свободный человек, ведущий «справедливый» разбой в духе всем памятного Владимира Дубровского из повести А.С. Пушкина «Дубровский». В обиходной жизни матери, бабушки этим словом часто называли непослушных детей: «Ах ты харцывяка!» - можно было слышать осуждающее восхищение.

Харцывском назван город на Донбассе, есть степная речушка Харцыв, впадающая в реку Чоховского детства Крынку. Харцывских бале в Донбассе насчитывается не менее пяти. В давние времена балки служили убежищем для харцывов беглых людей без роду и племени. Спасаясь от балцины в степи, приобретая свободу, они ютились по балкам, скрывались от расправы помещиков и их слуг. Вольный нрав этих людей, их борьба с властью имущими вызвали к жизни названные литературные образы.

Говоря об украинских писателях и украинской литературе, невозможно обойти вниманием поэта и художника Т.Г. Шевченко. 13 августа 1857 год он записал в дневнике: «Первая книжка "Русский вестник" за 1856 год попала мне в руки, оглавление мне понравилось. <...> Я развертываю КНИГУ, и мне попала литературная летопись. Читая И что же я читаю? Наша славная-преславная Савор-Могила раскопана. <...> Я люблю археологии Я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории. Я вполне сознаю пользу этих раскопываний. Но лучше бы не раскапывал нашей славной Савор-Могилы. Странная и даже глупая привязанность к безмолвным, ничего не говорящим курганам. Во весь день и вечер я все пел:

*У степу могила
З ітроМ говорила.
Пови, ітре, буйнесенький,
Щоб я не чорила [11, с. 176].*

Саур-Могила - курган близ города Снежно Донецкой области. Это геологический останец одного из размытых острогов Донецкого кряжа. По одним преданиям курган насыпан над могилою турецкого хана; по другим - на нем похоронен крестный Савка, защитник народа. Этот степной курган воспет в легендах и преданиях, песнях* К его загадочному поэтическому образу обращался Чехов в рассказе «Счастье», повести «Степь»

красавец Северский Донец с жемчужным местечком Святые горы (Славяногорск) были и остаются предметом поэтического вдохновения. В мае 1887 года Чехов три дня пробыл в Святых горах, однако впечатлений вынес, по его словам, тьму. Его степной цикл создан по непосредственным впечатлениям о проживании в Святогорском монастыре, точнее, в его гостиничном дворе.

Вероятно, в этой же гостинице останавливались побывавшие здесь Ф.И. Тютчев, А.И. Бунин, Вас.И. Немирович-Данченко, С.Н. Сергеев-Ценский, И.Е. Репин. В 1862 году в газете «День» было напечатано стихотворение «Святые горы» Тютчева:

*Тихо, мягко над Украиной,
Обаятельной тайной
Ночь июньская лежит -
Небо так ушло глубоко,
Звезды светят так высоко,
И во тьме Донец блестит.*

Святые горы посетил молодой Иван Бунин, питавший огромный интерес к «несказанной красоте» «Слова о полку Игореве». Писатель решил побывать в местах, где происходило действие этого древнерусского произведения. В рассказе «На Донце» (позже «Святые горы») Бунин писал: «В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, на Малом Танаисе, воспетом «Словом», - это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, - может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь» [1, с. 348]. Бунин рисует картины очаровательной природы. «Мы спускались все ниже и ниже, а столетние красноватые стволы мачтовых сосен гордо выделялись среди разнообразнейшей лесной заросли, мощно вцепившись корнями в каменистые берега дороги... Какая даль открывалась подо мною, как хороша была с этой высоты долина, темный бархат ее лесов, как сверкали разливы Донца в солнечном блеске, какую горячею жизнью юга дышало все кругом! То-то, должно быть, дико-радостно билось сердце какого-нибудь воина полков Игоревых, когда, выскочив на хрипящем коне на эту высь, повисал он над обрывом, среди могучей чащи сосен, убегающих вниз!» [1, с. 350].

Известный писатель Вас.И. Немирович-Данченко (брат известного режиссера) вел, что называется, кочевую жизнь, благодаря чему создал ряд блестящих путевых очерков. Возможно, «охота к перемене мест» досталась ему от его воинственных предков, среди которых были запорожцы, воевавшие, как известно, с татарами, турками, поляками. Родился Василий на Кавказе, где его военный отец служил сорок лет и не упускал возможности повоевать. Поездки Василия Ивановича на Кавказ, Каму, Урал, Соловки, юг России, поездки по Германии, Голландии, Испании стали предметом описаний.

Его художественно-этнографические очерки отличались великолепными зарисовками природы, быта, нравов, а в очерке «Святые горы» находим детальное описание местности, картины жизни монастыря, так привлекавшие Чехова, Бунина.

Зададимся вопросом: нужно ли исследователям жизни и творчества Чехова пытаться воссоздать житие писателя в деталях? Надо ли разыскивать «материал очень милый и ценный», который, по его мнению, из таганрогских беллетристов «никому не нужен»?

Ответ находим у самого Антона Павловича Чехова в рассказе «Святою ночью». Паромщик Иероним утверждает: «кто пишет <...>, тот должен знать житие до чрезвычайности, до последней самонаименованной точки» [10, С. V, 97].

Литература

1. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. Стихотворения (1888-1911); Рассказы (1892-1901). - М: Воскресенье, 2006. - 576 с, ил.
2. Квитка-Основьяненко Г.Ф. «Предания о Гаркуше» / «Современник», 1842, т. 25-26, № 1-2. <http://www.myslenedrevo.com.Ua/ru/Lit/K/KvitkaOsnovjanenko/MiscelWorks/Golovatyj/1.html>
3. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. - М.: Наследие, 2000-... - Т. 1: 1860-1888. - 2000. - С. 364-485.
4. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова / Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького М.: ИМЛИ РАН, 2004. - Т. 2: 1889 - апрель 1891. - 592 с.
5. Ле Флемминг С. Господа критики и господин Чехов. Антология. - СПб.; М.: Летний сад, 2006. - 672 с.
6. Мир Божий. 1897. - № 12. (II отд.) С. 1-2.
7. Переписка А.П. Чехова. В 3 т. Т. 1. / Редкол.: В. Вацуро и др.; Сост. и коммент. М. Громова. - М.: Наследие. 1996. - 592 с.
8. Разумова Н.Е. «Степь» Чехова: вариант интерпретации повести / Вестник Томского государственного университета, т. 266, январь 1998 / <http://violin.tsu.ru/webdesign/tsu/Library.nsf/designobjects/vestnik267/%24file/chekhov.html>
9. В.А. Фаусек. «Воспоминания о В.М. Гаршине» / В кн.: Полное собрание сочинений В.М. Гаршина. СПб, 1910. С. 60-61.
10. Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: «Наука», 1974-1983. Цитации по этому изданию. В прямых скобках указаны: С. - сочинения, П. - письма, римской цифрой - том, арабской - страница.
11. Шевченко Т. Вибраш твори: Радянський письменник. Киев, 1949. - 248 с. (На укр. и рус. яз.) 236 с.